

Чехов и Художественный театр

славленных артистов, погубил пьесу, а молодой, с никому не известными исполнителями — сыграл прекрасно.

Дело в том, что в театре того времени актеры привыкли к эффектно написанным ролям, звонким монологам с четко выраженным внешним действием. Но вот пришел новый писатель, в его пьесе все обыденно, просто, говорят о чем-то будничном, ни одного выигрышного монолога. «Что же здесь играть?» — недоумевали актеры. Никому не пришло в голову, что те старые театральные приемы и навыки, которыми они оперировали, для чеховской драматургии непригодны. В его пьесах нельзя «играть», «представлять», в них надо жить. Абсолютная естественность, простота, умение показать душевную жизнь образа — вот чего следует добиваться актерам.

Это поняли создатели Художественного театра Станиславский и Немирович-Данченко. Они сумели разглядеть то новое, что принес с собой Чехов в драматургию. Прежде чем приступить к репетициям, Немирович-Данченко сделал самый тщатель-

нее, чем он есть на самом деле. Ему про- тивны литературные «фокусы», когда пи- сатель стоит не на своих ногах, а взби- рается на ходули и оттуда «вешает», а не говорит простым, человеческим языком.

Великое достоинство чеховской мане- ры — краткость. Он мог на десяти страни- цах рассказать то, на что другие тратили сотни страниц, и рассказывал это так, что перед читателем проходила вся жизнь изо- бражаемых людей.

У Чехова за простыми, казалось бы, словами всегда скрыто что-то иное, какие- то подспудные мысли. Станиславский на- зывал эти скрытые мысли «подтекстом», «подводным течением». Немирович-Данче- ко называл их «вторым планом», то есть когда на первом плане идет одна — види- мая жизнь, а на втором другая — скрытая, и жизнь «второго плана» значительно первой, в нем скрыто самое заветное, дра- гоценное, что театр обязан раскрыть и об- яснить зрителю.

Так два великих режиссера, каждый по- своему, подошли к раскрытию особенностей драматургии гениального Чехова.

Чехов писал Немировичу-Данчен- ко: «Ты дал жизнь моей «Чайке». Благодарю».

С таким же чувством Немирович-Данчен- ко мог бы ответить:

— Ты своими пьесами дал жизнь Худо- жественному театру.

Имена Чехова и Художественного теат- ра — неразрывны, священны. Их имена бессмертны!

А. БРАВИЧ,

заслуженный артист Армянской ССР.

А. П. Чехов и А. М. Горький в Ялте (с фотографии начала 900-х годов).

17 ОКТЯБРЯ 1896 ГОДА состоялось пер- вое представление «Чайки» в Алексан- дринском театре. В зрительном зале сто- ял хохот, слышались насмешки. В день премьеры все влиятельные петербургские газеты прислали своих театральных рецен- зентов, и в одном из антрактов кто- то из них сострил: «Это не «Чайка», а «дичь». Кадамбур понравился, и раздался хохот. Чехов из зритель- ного зала ушел за кулисы.

Артисты, взволнованные скандальным про- валом, ходили растерянные, состояние у всех было подавленное. Антон Павлович, смертельно бледный, мрачно улыбаясь, сказал:

— Автор провалился.

Так умер бы для русского искусства великолепный драматический талант никем не понятого Чехова, если бы не Художе- ственный театр.

В чем же секрет? Как могло слу- читься, что один из лучших театров, рас- полагавший блистательной труппой про-

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова

ный разбор пьесы, объяснил, в чем заклю- чается новаторство чеховского таланта.

В чем же эта новизна? Какие новые пу- ти открыл Чехов в литературе и драматур- гии?

Прежде всего, это предельная, доведен- ная до совершенства простота. Чехов как огня боится «громких» слов, «эффектных» монологов, «красивых» поз. В своих про- изведениях драматург естествен и прост, как сама жизнь. Он ненавидит писатель- скую позу, то есть когда пишущий ста- рается «красиво» говорить, казаться ум-